

Б. ПРИМОВ. БЪЛГАРИ, ГЪРЦИ И ЛАТИНЦИ В ПЛОВДИВ ПРЕЗ 1204—1205 гг. РОЛЯТА НА БОГОМИЛИТЕ

Известия на Българското историческо дружество, кн. XXII—XXIII,
София, 1948

В болгарской печати за последние годы появилось несколько статей софийского ученого Борислава Примова, посвященных взаимоотношениям болгар с греками и с Латинской империей в начале XIII в. В рецензируемой статье рассматривается один из эпизодов войны между болгарами и Латинской империей при Калояне. Однако по своему значению статья оказывается гораздо шире, так как автор здесь останавливается на вопросе о роли богомилов в создании Второго Болгарского царства и об отношении богомилов к государству вообще.

В начале XIII в. на севере Балканского полуострова образовалось сложное переплетение трех политических сил: Болгарское царство, Латинская империя и греческая аристократия во Фракии — обломки только что разрушенной крестоносцами Византийской империи. Болгария всегда была неприятным и опасным соседом для Византии. Последняя всегда сопротивлялась превращению Болгарии в сильное государство. Ослабление Византийского государства в конце XII в. облегчило выход Болгарии из-под византийского ига и образование независимого Болгарского государства Петра и Асена. Но все же и теперь Византия старалась не дать укрепиться Второму Болгарскому царству, способствуя сепаратистским стремлениям болгарских феодалов, а также ведя с ним непосредственные военные действия. После того как оба брата пали жертвой византийской интриги, власть перешла к Калояну (1202 г.). Несмотря на то, что из войны он вышел победителем, Византия не хотела признавать за ним права на престол, но он обратился в Рим и ценою унии церквей получил корону из рук папы Иннокентия III. После падения Константинополя крестоносцы и болгары неминуемо должны были поставить вопрос о власти на Балканском полуострове; Калоян надеялся принять участие в разделе Византийской империи, однако латиняне не посчитались с его претензиями. Больше того: рассматривая Болгарское царство все еще как часть Византии, они сами заявили права на болгарские земли. Это повлекло за собой новое военное столкновение. На стороне Болгарии на этот раз выступили те византийские феодалы, которые хотели сохранить непризнаваемые за ними латинянами права на фракийские земли и ради этого пообещали даже Калояну императорскую корону. Поэтому общей целью союзников было уничтожение Латинской империи. Но уже очень скоро после победы войск Калояна над латинским императором Балдуином (весна 1205 г.) и потери латинянами господствующего положения во Фракии и Македонии начинает сказываться несовместимость греческих и болгарских интересов. „Попытка Иоанна основать греко-болгарское царство на Балканском полуострове со столицей в Константинополе осталась в области мечтаний“.¹ Пока болгарские войска были заняты осадой Солуни, во Фракии поднимает голову греческая партия, ориентирующаяся теперь на Никейское государство и стремящаяся установить на освобожденной территории власть Византии.

¹ В. Г. Васильевский. Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II. ЖМНП, 1885, № 9.

Очень показательны в этом отношении события, разыгравшиеся в Филиппополе летом 1205 г. и ставшие основным предметом исследования Б. Примова. При разделе византийских земель между крестоносцами Филиппополь с прилегающими землями достался Рене де Три, который образовал там самостоятельное герцогство. Примов совершенно справедливо ставит под сомнение сообщение Виллардуэна о том, что местные жители приняли Рене с распростертыми объятиями как представителя „желанной власти“. Однако первое время они действительно по необходимости мирились с ним, пока весной 1205 г. войска Калояна не нанесли тяжелого поражения Латинской империи при Адрианополе. Учитывая пошатнувшееся положение латинян, греческая партия и там оживила свою деятельность. Во главе ее стоял Алексей Аспиет (иногда его называют даже императором). Жители города были сильно встревожены. Опираясь на свидетельство Виллардуэна, Б. Примов пишет: „Часть местного населения обратилась к болгарскому вождю и предложила ему принять город под свою власть“.¹ Узнав об этом, Рене собрал преданных людей и заперся в крепости Станимакка, где провел в осаде 13 месяцев. Поступок пловдивских ромеев сильно разгневал Калояна. Он привел свои войска и, захватив город, сравнял его с землей, а Алексей Аспиет и его сторонники были подвергнуты Калояном „Ромеобойцей“ мучительной казни.

В центре внимания автора статьи стоит вопрос о составе и политических взглядах той части пловдивского населения, которую Жоффрау де Виллардуэн называет „*porélicains*“, „*porélican*“. Обычно „*porélican*“ (от латинского *rauliciáni*) принято было переводить „павликиане“. Под таким именем эта группа людей и вошла в историю. Ф. И. Успенский, И. Иречек, В. Н. Златарский, Д. Ангелов и другие считают, что к Калояну за помощью обратились пловдивские павликиане, но Б. Примов иначе трактует это название. Сопоставляя употребление слова „*porélican*“ у разных авторов, он приходит к выводу, что хотя первоначально так действительно обозначали павликиан, но в XII—XIII вв. во Франции это слово приобрело более широкий смысл — еретики вообще. В таком именно значении употребляет это слово и историк IV Крестового похода.

Проведение этого филологического анализа, подкрепленного показаниями Анны Комнины и Никиты Хониата о том, что среди населения Филиппопольской области было много различных еретиков (армяне, богومیлы, павликиане), позволяет ему отказаться от традиционного взгляда на сторонников Калояна в Пловдиве и прийти к выводам, справедливость которых, с нашей точки зрения, не может быть оспариваема.

„Едно обаче, смятам, трябва да се приеме: под ония *Porélican* (*Porélicains*), за които Вилардуен говори, ще трябва да разбираме не само павликяни, а и българското богомилско, а може би и не богомилско население на Филиппопол. Това са били тези не гърци, преди всичко българи, по произход жители, които, при напускането на латинския местен владетел, напълно естествено обърнали погледа си към успешно справящата се с латинската опасност българска държава и към нейния постигащ успехи по това време владетел. Срещу тях Рение от Трит се опълчил като опожарил жилищата им“.²

Если допустить, что к Калояну обратилось только павликианское население города, то остается необъяснимым, что предприняло бол-

¹ Известия на Българ. историч. друж., кн. XXII—XXIII, 1952, стр. 147.

² Там же, стр. 150.

гарское и оставшееся на болгарской стороне пловдивское население, и как оно смогло оставаться безучастным к болгарскому государству, пока павликиане не обратились за помощью к болгарским властям.¹

Успенский и Златарский, правильно отмечая существование в Пловдиве болгарской партии, не указали дальнейшего проявления ее деятельности — борьбы за включение города в состав болгарского государства. Причина заблуждения Златарского в этом вопросе, как показывает Примов, коренится в его неправильной оценке политических взглядов богомилов. Златарский, как и Успенский, придерживается старого мнения, что богомилы отрицательно относились к болгарской государственной власти вообще и не принимали участия в создании Асенями нового болгарского царства.

Необходимо отметить как положительный момент, что Примов не только справедливо оценивает взгляды старых историков по этому вопросу, но и сам ставит его по-новому, правильно определяя значение данного конкретного случая для разрешения вопроса об отношении болгарских богомилов к болгарскому государству и об их политической роли вообще. Однако делает он это робко, тут же оговариваясь, что „болгарские богомилы в Филиппополе обратились к властителю страны, сыновьями которой они были“,² объясняя отсутствием выбора это их патриотическое стремление, якобы противоречащее богомильскому учению. Между тем этот поступок совершенно логически вытекает из всей политики богомилов в Болгарии, как мы ее теперь себе представляем. Будучи выразителями интересов широких слоев болгарского населения, богомилы боролись против угнетателей, и, в первую очередь, против чужеземного ига в Болгарии. Богомилы, как известно, принимали участие во всех антивизантийских восстаниях (Деяна, Константина Бодина, Петра и Асеня). И в данном случае, в Филиппополе, богомилы боролись с угрозой восстановления византийского или латинского владычества. Их союз с Калояном основан не на терпимости последнего в религиозных вопросах и даже не на преследовании им узких политических интересов,³ а на том, что создатели Второго Болгарского царства искали для него более широкой опоры, старались привлечь на свою сторону все слои населения.

Однако именно этих вопросов автор совсем не касается. Он не старается объяснить классовую подоплеку сотрудничества представителей ереси и царя Калояна. Б. Примов видит в этом союзе только ловкий политический ход, временную меру, не замечая, что стремление богомилов к национальной независимости было одним из принципов их учения. Видно также, что Б. Примов не совсем уяснил себе их идеологию, если удивляется, что их отношение к государственной власти „не всегда было отрицательно“.⁴ Он, видимо, представляет их себе принципиальными врагами порядка, а не противниками неограниченной власти господствующего класса. Остается только пожалеть, что Б. Примов, правильно поставив проблему, в разрешении ее остановился на полдороге, не используя всех возможностей, представляемых ему его материалом.

Т. М. Соколова

¹ Там же, стр. 153.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 155.

⁴ Там же, стр. 156.